

лом она не соответствует нынешнему уровню литературоведческого исследования. Об этом надо сказать со

всей прямотой в интересах самой исследовательницы.

Е. ЛАНДАУ

г. Алма-Ата

НОВАЯ ВСТРЕЧА С ГОРЬКИМ*

Вышедшие недавно в свет два обширных тома материалов «М. Горький и советская печать» раскрывают перед читателем важные страницы из истории культурной жизни нашей страны в 20—30-е годы, роль в ней Горького, работу ряда издательств и журналов. Мы находим здесь его переписку с руководителями Государственного издательства, издательств «Земля и фабрика», «Время», «Academia», Государственного издательства художественной литературы, с редакторами и сотрудниками журналов «Красная новь», «Новый мир», «Огонек», «Наши достижения», «За рубежом», «Литературная учеба», «Колхозник». Адресаты Горького здесь — В. Воровский, В. Нарбут, И. Ионов, А. Халатов, Н. Накоряков, Л. Мехлис, А. Щербатов, А. Воронский, Ф. Раскольников, В. Полонский, Е. Зозуля, М. Кольцов, С. Урицкий, И. Шкапа, В. Бобрышев, Т. Костров, А. Камегулов, Е. Добин, В. Зазубрин и др.

Но не только вопросы печати, работа издательств и журналов составляют содержание этой переписки;

в ней отразились черты едва ли не всей общественно-политической жизни страны в те годы, творческие замыслы писателя и его взгляды по ряду проблем философии, политики, литературы, науки.

С большой силой звучат и развиваются в горьковских письмах мысли о новой, советской действительности, о небывалом взлете творческих сил революционной России, об открытии колоссальных богатств страны, об укреплении чувства достоинства человека из массы, о духовном росте миллионов людей, создающих новый мир, о рождении дружбы народов. И именно из пламенной любви писателя к новой действительности росла его ненависть к недостаткам и ошибкам. Он учил печать и литературу непримиримой борьбе со всем старым, еще живучим, призывал зорко видеть все, что враждебно новой жизни.

Известно, что Горький был инициатором и организатором ряда изданий — журналов и серий книг, но теперь, с опубликованием его переписки с редакторами и издателями, становится видней исключительная роль Горького в развитии советской печати.

Вспомним горьковское издательство «Всемирная литература». Еще в условиях первых лет революции, гражданской войны, среди царившей тогда экономической разрухи, оно поставило перед собой задачу издания огромного количества заново

* «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1 и 2, «Наука», 1964—1965. Редакционная коллегия издания: А. Г. Дементьев, С. С. Зими́на, Р. П. Пантелеева, И. С. Черноуцан. Послесловие А. Г. Дементьева. В подготовке сборников к печати участвовали: В. С. Барахов, Н. И. Дикушина, А. Е. Погосова, И. В. Дистлер, С. И. Доморацкая, С. С. Елизаров, Е. Г. Коляда, В. А. Максимова, Р. П. Пантелеева, И. И. Соколова, А. А. Тарасова, С. С. Зими́на, Т. Б. Дмитриева, Ф. М. Иоффе, В. Н. Чуваков.

подготовленных к печати произведений из сокровищницы русской и всей мировой литературы. Нужны были не только энергия «заведующего издательством» Горького, его безграничная любовь к литературе, но в известной мере и революционный романтизм, чтобы тогда, в 1918 году, поставить эту задачу. И немало книг действительно было выпущено. Это был ответ врагам, клеветнически вопившим о «гибели культуры» в Советской России. Сейчас мы привыкли к огромным, прямо-таки сказочным тиражам наших изданий, но тогда, в 1919—1922 годах, выпуск почти миллиона экземпляров книг из мировой классики был подлинным достижением. Характерно, что ныне возрожден этот горьковский замысел: в связи с 50-летием Октябрьской революции у нас снова будет выходить большая библиотека «Всемирной литературы», включающая самые выдающиеся произведения мировой художественной мысли.

В первом томе материалов «М. Горький и советская печать» есть поразительная протокольная запись решений, принятых на одном совещании весной 1931 года, состоявшемся у Горького в далеком, тихом Сорренто. Это — решения о журналах «Литературная учеба», «Наши достижения», «За рубежом», «СССР на стройке», о книгах «Ход закона», «День», «Факты и цифры», о литературном альманахе, о выпуске литературы народов СССР, о создании «Истории человеческой культуры», «Истории гражданской войны», о выпуске антирелигиозной литературы, о библиографической работе, о «Библиотеке поэта», о переводной художественной литературе, об истории науки, о серии книг «История молодого человека», о технической литературе. И это еще далеко не все

горьковские начинания и замыслы в области печати в те годы.

Внимание Горького к работе советских издательств не было «руководством в общем и в целом», он практически участвовал в составлении издательских тематических планов, выдвигал темы новых книг и целых книжных серий, обсуждал с издателями технику и качество выпуска книг и журналов, вплоть до деталей их внешнего оформления, давал советы по практике работы редакций, особо предостерегая от бюрократизма, совершенно нетерпимого в литературно-издательском деле.

Работник он был...

Кроме широко известных горьковских серий «Жизнь замечательных людей», «История гражданской войны», «История фабрик и заводов», «История молодого человека», как видно из переписки, у него было еще много замыслов: «История деревни», «История городов», «История русского быта», «История женщины», «Происхождение сектантства», «История науки», «История разночинца», «История большевика». Все эти «историографические» замыслы Горького очень характерны для его умонастроения в те годы. Он часто говорил тогда: «Народ должен знать свою историю». В его сознании все эти замыслы и предложения были, разумеется, теснейше связаны с современностью, с революционным духом новой истории. Необходимо, считал он, социалистическое воспитание масс и уроками истории, которая хорошо учит. Обостренный интерес писателя к прошлому коренился именно в современности, в стремлении лучше творить настоящее, яснее видеть будущее.

Горьковские «исторические замыслы» органично дополняли самые

живые, актуальные боевые идеи и дела писателя, отразившиеся в его знаменитой публицистике тех лет и в таких начинаниях, как журналы «Наши достижения», «За рубежом», «Колхозник» или неосуществленное тогда, очень важное по своему значению издание «Две пятилетки». Начиная «Наши достижения», Горький хотел отразить в журнале идущее в стране гигантское строительство, рост новых людей, пропагандировать труд человека, переделывающего мир, возбуждать в массах трудовой пафос. Создавая «За рубежом», Горький исходил из необходимости показать советскому писателю жизнь в западных буржуазных странах, политику, нравы, быт, распад буржуазной семьи, рост преступности. Каждое новое издание возникало из живых потребностей времени.

К началу 30-х годов стала ясной невозможность дальнейшего развития нашей литературы в формах, определявшихся борьбой разных групп и течений. Объединение всех сил советской литературы нашло в лице Горького своего истинного выразителя.

Горький гордился советской литературой, любовно и строго следил за каждым ее шагом, сознавая всю меру ее значения, как нового этапа в историческом развитии литературы.

Множество литературных вопросов обсуждается в горьковских письмах к издателям и редакторам журналов.

Настойчиво говорит писатель о необходимости понимать глубокую, а не примитивную, лишь внешне трактуемую связь литературы и политики, говорит о мучительной трудности литературного дела, о необходимости чувствовать сложность и ответственность писатель-

ского труда, об одержимости настоящих писателей страстью работы над словом и образом. «...Литература суть дело мануфактурное — от шапо — рука — а не фабрично-заводское», — замечает Горький в одном из писем в 1926 году. Многократно пишет Горький своим корреспондентам, что в литературе необходимы настоящая правда действительности, познание фактов жизни, лежащих в основании всех понятий, всех идей. «Литература — скопище фактов, формированных словом в образы, характеры, картины... Рассматривая процессы создания литературных фактов, мы от них должны восходить к политическим выводам, а не наоборот, — не от политики спускаться к литературе». И Горький неустанно предостерегает как от формализма, так и от натурализма.

Среди важнейших горьковских литературных высказываний выделяется мысль о необходимости исторического подхода к литературе, о необходимости рассматривать литературные процессы и явления в связи с историей народа, общества, историей культуры.

Художественный историзм Горького учит синтезу истории и современности, требует изучения и осмысления жизни в свете «трех действительностей» — прошлого, настоящего и будущего. И этот горьковский взгляд противостоит распространенным в литературе наивным представлениям об историзме по натуралистической формуле: «так было»...

Письма, собранные в сборниках «М. Горький и советская печать», показывают, как заботился писатель о воспитании литературной молодежи в духе любви к действительности, преданности народу, честности, трудолюбия.

С гневом пишет он во многих

письмах о кружковой борьбе, о переувальчивании некоторых писателей критикой, о некультурности иных писателей, их оторванности от действительности, о зазнайстве. Литература была делом жизни Горького, и естественно, что он был непримиримо строг ко всему, что мешало ее развитию и росту.

Горький много занимался проблемами науки. «Официальное» образование будущего писателя закончилось, едва начавшись, в десятилетнем возрасте, в стенах Слободско-Кунавинского начального училища. А дальше — Горький на путях жизни, «своим горбом», стал одним из образованнейших людей своего времени. Известна его исключительнейшая роль в организации советской науки, — он поддержал своим авторитетом немало ее выдающихся достижений и ставил перед печатью небывалую задачу — ознакомление с ними всего народа. Он говорил о необходимости возбудить в стране внимание к высшим достижениям интеллектуальной энергии, дать «картину работы человечества по созданию второй природы, организованной и организуемой его волей, его разумом». «Впервые в мире цель эта поставлена Лениным», — писал Горький несколько десятилетий тому назад, в известной мере предвосхищая то, что ныне воплощается в нашей жизни на пути построения коммунизма.

В письмах своих к руководителям советской печати Горький как всегда воспеваает труд, энергию человека, говорит о необходимости творческого взрыва всего запаса психофизической энергии человеческих сил, сил разума «безумных мечтателей» — мастеров культуры — в процессе покорения природы, переустройства жизни.

В письме к Воронскому от 17 марта 1928 года писатель говорил о великой роли мысли, знания, труда в процессе становления нового человека, который должен все глубже познавать мир и работать все более революционно. Горький отвергает вульгарно-материалистический догматизм, возводящий некие истины и явления в вечные «абсолюты», что, по словам писателя, неизбежно напоминает «боговы свойства», всемогущество, всеведение. Писатель говорит о желании иных «материалистов» упростить и механизировать человека, это ведет к «эксплуатации человека, только как вместелища физической силы... Человек для меня выше всех идей и всех дел своих, рабочий выше и ценнее продуктов его труда», — пишет Горький. «На длиннейшем, на извилистом пути моем, — продолжает он, — я встречал немало сектантских начетчиков, партийных лидеров, церковников, редакторов журналов и вообще «учителей жизни». И только один Владимир Ильич никогда не вызывал у меня впечатления «служителя идеи», но всегда был в глазах моих творцом идей».

Снова и снова призывает писатель ценить, уважать, беречь человека, глубоко сознавать ценность человека.

Из писем Горького кристаллизуется образ и самого писателя как личности. Это — образ борца за социализм, за новое искусство, за прогресс в науке, гуманиста, неутомимого труженика, работника. Настойчиво «поправляет», сдерживает Горький своих корреспондентов, восхваляющих его, требует научиться ценить *всех* работников по заслугам и работу их по достоинству.

Высокой поучительностью обладает переписка Горького с А. Щербаковым, бывшим одно время секре-

тарем Правления Союза советских писателей. С раздражением пишет он своему корреспонденту о данных им в печать преувеличенных сведениях о литературных достижениях, предостерегает от излишней шумихи и рекламы литературных успехов, требует строго ответственного отношения к литературе, негодуя против хвастовства, необоснованных обещаний:

«Вы, как будто, желаете примирить всех со всеми, создать в Союзе (писателей.— *И. Н.*) «тишь, гладь, божью благодать». А создавать-то нужно нечто прямо противоположное, ибо необходимо обнажать противоречия, обличать мещанство — мобилизовать литературу, как единую, определенно целеустремленную силу, способствующую росту культурного возрождения страны, повышающую трудовое, героическое настроение масс».

Работники Архива М. Горького, подготовившие к печати эти два замечательных тома — «М. Горький и советская печать», — проделали большую работу. Не обошлось, к сожалению, и без некоторых недостатков и неточностей. Например, вряд ли необходимо было давать в приложении столь обширные материалы редакционного совещания издательства «Время», непосредственно к переписке не относящиеся. Уж если переписка двухсторонняя, то непонятно, почему не дано имеющееся в архиве письмо И. Ионова по поводу резкой критики его Горьким. Тем более что сам Горький назвал его хорошим работником, которого «только надобно ограничить» (кн. 1, стр. 82). Некоторые письма, явно требующие пояснений, почему-то вовсе не комментированы (например, кн. 2, стр. 250). Почему, давши фотопортреты одних корреспондентов Горького —

Воронского, Халатова и Зазубрина, редакция не сочла нужным дать портреты Воровского, Полонского, Мих. Кольцова, Урицкого, Кострова, Зозули и др.? Почему письмо Урицкого к Горькому от 22 апреля 1929 года помечено редакцией сборника — «Сорренто», хотя из текста ясно, что письмо это из Москвы? Не все ладно в комментировании, в примечаниях. Например, «ФОСП» объясняется как «Федерация советских писателей» (кн. 2, стр. 52), — выпало объяснение буквы «О» в названии, а в нем-то суть: это была именно Федерация Объединений советских писателей (РАПП, ВСП и др.). Не исправлена описка Горького, говорящего об обществе «Долой безграмотность» (кн. 1, стр. 230); общество называлось «Долой неграмотность». Первый всесоюзный съезд советских писателей проходил не «с 17 августа по 21 сентября» (кн. 1, стр. 304), а по 1 сентября 1934 года. Есть ошибки в инициалах людей, упоминаемых в примечаниях, например, кн. 1, стр. 101: Березовский не Н., а Ф., Буданцев не Р., а С.; или кн. 2, стр. 47 — Губер не Д., а Б. и т. п. Но все это, конечно, частности.

В своем отзыве я не исчерпал, разумеется, всего богатейшего содержания сборников — исчерпать его невозможно ни в рецензии, ни в статье, — но не очевидно ли и из сказанного, как важна и глубоко поучительна эта новая встреча с Горьким в его переписке с деятелями советской печати? Переписка эта — деловая и теоретическая, дружеская и взыскательная, то резко критикующая и негодующая, то веселая и шутовская, насыщенная важными проблемами своего времени, — сохраняет все свое живое значение и сегодня.

И. НОВИЧ